

The background of the cover is a stylized illustration of a narrow street in St. Petersburg. On either side are tall, multi-story brick buildings with many windows. In the distance, the spires of the Peter and Paul Cathedral are visible against a bright blue, hazy sky. In the foreground, the silhouettes of two men are shown from the chest up. The man on the left is wearing a dark suit and a fedora, facing away from the viewer. The man on the right is also in a dark suit, wearing glasses, and looking slightly upwards and to the left. The overall color palette is dominated by deep reds, oranges, and blues, creating a moody and atmospheric scene.

ЖИДЫ ГОРОДА ПИТЕРА

ИЛИ НЕВЕСЕЛЫЕ БЕСЕДЫ ПРИ СВЕЧАХ

АРКАДИЙ И БОРИС
СТРУГАЦКИЕ

Аркадий и Борис Стругацкие
Жиды города Питера, или
Невеселые беседы при свечах

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127596

Содержание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	4
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Аркадий и Борис
Стругацкие
Жиды города Питера,
или Невеселые
беседы при свечах
*Комедия в двух действиях***

*Назвать деспота деспотом всегда было опасно.
А в наши дни настолько же опасно назвать рабов
рабами.
Р.Акутагава*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кирсанов Станислав Александрович, 58 лет.

Зоя Сергеевна – его жена, 54 года.

Александр – их старший сын, 30 лет.

Сергей – их младший сын, 22 года.

Пинский Александр Рувимович – старый друг, 58 лет.

Базарин Олег Кузьмич – добрый знакомый, 55 лет.

Артур – друг Сергея, 22 года.

Егорыч – сантехник, 50 лет.
Черный Человек.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная-кабинет в квартире профессора Кирсанова. Прямо – большие окна, задернутые шторами. Между ними – старинной работы стол-бюро с многочисленными выдвижными ящичками. На столе – раскрытая пишущая машинка, стопки бумаг, папки, несколько мощных словарей, беспорядок.

Посредине комнаты – овальный стол, – скатерть, электрический самовар, чашки, сахарница, ваза с печеньем. Слева, боком к зрителям, установлен огромный телевизор. За чаем сидят и смотрят заседание Верховного Совета:

*хозяин дома профессор Станислав Александрович **Кирсанов**, рослый, склонный к полноте, украшенный кудрявой русой шевелюрой и бородицей, с подчеркнуто-величавыми манерами потомственного барина, в коричневой домашней толстовке и спортивных брюках с олимпийским кантом;*

*супруга его, **Зоя Сергеевна**, маленькая, худощавая, гладко причесанная, с заметной сединой, нрава тихого и спокойного, очень аккуратная и изящная (в далекой молодости – балерина), – она в строгом темном платье, на плечах – цветастая цыганская шаль;*

*их сосед по лестничной площадке и приятель дома Олег Кузьмич **Базарин**, толстый, добродушнейшего вида, плешистый, по сторонам плеши – серебристый генеральский боб-*

рик, много и охотно двигает руками, когда говорит — для убедительности, когда слушает — в знак внимания, одет совершенно по-домашнему — в затрапезной куртке с фигурными заплатами на локтях, в затрапезных же зеленых брючках и в больших войлочных туфлях.

Из телевизора доносится: «Итак, товарищи... Теперь нам надо посоветоваться... Вы хотите выступить? Пожалуйста... Третий микрофон включите...»

Кирсанов. Опять эта харя выперлась! Терпеть его не могу...

Базарин. Бывают и похуже... Зоя Сергеевна, накапайте мне еще чашечку, если можно...

Зоя Сергеевна (наливая чай). Вам покрепче?

Базарин. Не надо покрепче, не надо, ночь на дворе...

Кирсанов (с отвращением). Нет, но до чего же мерзопакостная рожа! Ведь в какой-нибудь Португалии его из-за одной только этой рожи никогда бы в парламент не выбрали!

Разговор этот идет на фоне телевизионного голоса — рывкающего, взрывающегося, митингового: «Я говорю здесь от имени народа... Четверть миллиона избирателей... И никто здесь не позволит, чтобы бесчестные дельцы наживались, в то время как трудящиеся едва сводят концы с концами...» Голос Нишанова: «То есть я вас так понимаю, что вы предлагаете голосовать сразу? Очень хорошо. Других предложе-

ний нет? Включите режим регистрации, пожалуйста...»

Кирсанов. Сейчас ведь проголосуют, ей-богу.

Зоя Сергеевна. А это с самого начала было ясно. Неужели ты сомневался?

Кирсанов. Я не сомневался. Но когда я вижу, что они сейчас проголосуют растратить шестнадцать миллиардов только для того, чтобы неведомый нам Сортир Сортирыч получил возможность за мой счет ежемесячно ездить в Италию... и даже не сам Сортир Сортирыч, а его зять-внук-племянник... Только для этого заключается контракт века, который по сю сторону никому решительно, кроме Сортир Сортирыча, не нужен... загадят территорию величиной с Бенилюкс... отравят двадцать четыре реки... завоняют всю Среднерусскую возвышенность... Но зато племянник Сортир Сортирыча на совершенно законном основании сможет теперь поехать за бугор и купить там себе «тойоту»...

И в этот момент в квартире гаснет свет.

Кирсанов. Что за черт! Опять?

Базарин (*уверенно*). Пробки перегорели. Говорил я вам, что не надо этот подозрительный самовар включать...

Кирсанов. Да при чем здесь самовар?.. Подождите, я сейчас пойду посмотрю... Ч-черт, понаставили стульев...

Зоя Сергеевна. Нет, это не пробки перегорели. Это

опять у нас фаза пропала.

Базарин (с недоумением). Куда пропала? Фаза? Какая фаза?

Слышны какие-то шумы и неясные голоса с лестницы (из-за кулис справа), голос Кирсанова: «А в том крыле? Что?.. Понятно... Ну и что мы теперь будем делать?..» Базарин, подобравшись в темноте к окну, отдергивает штору. За окном падает крупный снег, там очень светло: отсветы уличных фонарей, низкое светлое небо, в огромном доме напротив – множество разноцветно освещенных окон.

Кирсанов (появляется из прихожей справа). Поздравляю! По всей лестнице света нет. И по всему дому, кажется...

Зоя Сергеевна. Ну, по крайней мере, не так обидно. Фаза опять пропала?

Кирсанов. Она, подлая... (Подходит к окну.) Живут же люди, горюшка не знают! (Зое Сергеевне.) Лапа, а где у нас были свечи?

Зоя Сергеевна. По-моему, мы их на дачу увезли...

Кирсанов. Ну вот! За каким же дьяволом? Это просто поразительно – никогда в доме ни черта не найдешь, когда надо!..

Базарин. Станислав, побойся бога. Зачем тебе сейчас свечи? Второй час уже, спать пора... (Спохватывается.)

Тьфу ты, в самом деле! У меня же в холодильнике суп, на три дня сварено. И голубцы! Теперь, конечно, все прокиснет...

Зоя Сергеевна. Ничего у вас не прокиснет, Олег Кузьмич, вынесите на балкон, и все дела.

Кирсанов *(от бюро, с торжеством)*. Вот они! Видала? Вот они, голубчики... *(Передразнивает.)* «На дачу, на дачу...»

Зоя Сергеевна. Ой, а где же они были?

Кирсанов. В бюро они у меня были. В бюро! Очень хорошее место для свечей. Интересно, как бы ты без меня существовала в этом мире?.. Где спички?

Зоя Сергеевна. А в бюро их у тебя нет? Замечательное место для спичек...

Кирсанов *(укрепляет свечи в канделябрах на бюро и расставляет по столу)*. Ладно, ладно, лапа, сходи на кухню, все равно стоишь...

Базарин *(чиркает спичкой, свечи загораются одна за другой)*. Да на кой ляд вам это понадобилось, в самом деле? Спать давно пора...

Кирсанов. Ну куда тебе спать, ты же сейчас человек одинокий и даже в значительной степени холостой... Сиди, пей чай, наслаждайся беседой с умными людьми...

Из-за кулис справа появляется длинная черная фигура – рослый человек в блестящем мокром плаще до пят с мокрым блестящим капюшоном.

Черный Человек (*зычно*). Гражданин Кирсанов?

Кирсанов (*ошеломленно*). Да... Я...

Черный Человек. Станислав Александрович?

Кирсанов. Да! А в чем дело? Как вы сюда попали?

Черный Человек (*зычно*). Спецкомендатура Эс А! (*Обыкновенным голосом.*) У вас дверь приоткрыта, а звонок не работает. Паспорт ваш, будьте добры...

Кирсанов. Какая еще комендатура? (*Достает из бюро паспорт и протягивает Черному Человеку.*) Какая может быть сейчас комендатура? Ночь на дворе!

Черный Человек берет паспорт, и тотчас же во лбу у него загорается электрический фонарь наподобие шахтерского. Внимательно перелистав паспорт, он молча возвращает его Кирсанову, а сам распахивает большой черный дипломат и, держа на весу, некоторое время роется в нем.

Черный Человек. Распишитесь... Вот здесь...

Кирсанов (*расписываясь*). А в чем, собственно, дело? Вы можете толком мне объяснить – что, куда, откуда? Войну, что ли, объявили?

Черный Человек (*вручает Кирсанову какую-то бумажку*). Получите.

Кирсанов (*смотрит в бумажку, но ничего не видит, све-*

та не хватает). Я ничего здесь не вижу! В чем дело? Вы что — объяснить не можете по-человечески?

Черный Человек. Там все сказано. Будьте здоровы.

Фонарик его гаснет, а сам он как бы растворяется во тьме.

Базарин. Ну и дела!

Кирсанов *(раздраженно).* Не вижу ни черта... Зоя! Где мои очки?

Зоя Сергеевна. Дай сюда... *(Отбирает у мужа бумажку и читает вслух.)* «Богачи города Питера!...»

Базарин и Кирсанов *(одновременно).* Что-о?

Зоя Сергеевна *(после паузы).* «Богачи города Питера! Все богачи города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на площадь перед СКК имени Ленина. Иметь с собой документы, сберегательные книжки и одну смену белья. Наличные деньги, драгоценности и валюту оставить дома в отдельном пакете с надлежащей описью. Богачи, не подчинившиеся данному распоряжению, будут репрессированы. Лица, самовольно проникшие в оставленные богачами квартиры, будут репрессированы на месте. Председатель-комендант спецкоменда-туры Эс А»... Подписи нет, какая-то печать. Господи, что это значит?

Базарин. Это значит, что документы надо сразу же спра-

шивать, вот что! Извините... *(Осторожно берет бумажку из рук Зои Сергеевны.)* Печать!.. Я вам такую печать из школьной резинки за десять минут сварганю... *(Переворачивает бумажку.)* Так... Кирсанову Станиславу Александровичу... адрес... Правильный адрес... Ну и как прикажете это понимать?

Кирсанов *(нервно)*. Дай сюда... *(Он уже нашел и нацепил очки.)* Не понимаю, что это может означать – Эс А? Советская Армия?

Базарин. Социалистическая Антарктида... Судорожная Аккредитация... Чушь это все собачья, и больше ничего! Двери надо за собой запирасть как следует. Интересно, Зоя Сергеевна, как там ваша шубка в передней поживает? Я у вас там, помнится, шубку видел...

Зоя Сергеевна, подхватившись, выходит в прихожую.

Кирсанов *(озаренно)*. Эс А – это Штурмабтайлунг!

Базарин *(непонимающе)*. Ну?

Кирсанов. Штурмовые отряды! Эс А. Ну, помнишь – у Гитлера?

Базарин. При чем здесь Гитлер? Какой может быть Гитлер в наше время?

Зоя Сергеевна *(возвратившись)*. Шуба цела... И вообще все как будто цело... Нет, это был никакой не жулик...

Базарин. А кто же тогда?

Зоя Сергеевна. Откуда мне знать? А только это был не жулик и не шутник. Может быть, военный... или милиция... или органы...

Базарин. Удивительно знакомая рожа лица! Станислав, а? Тебе не показалось? По-моему, у тебя аспирант такой есть... как его... Моргунов... Моргачев... Ну, на Новый год у вас был, длинный такой, сутулый... Зоя Сергеевна!

Кирсанов, ничего не слыша, читает и перечитывает повестку, сдвинув к себе все канделябры.

Кирсанов. Какой я им богач! Что они – совсем уже с ума посходили? Нашли богача, понимаете ли. Драгоценности им подавай... Валюту... Идиоты!

Базарин. Ты что? Серьезно все это воспринимаешь?

Кирсанов. Замечательно интересное кино! А как ты мне еще прикажешь все это воспринимать? Является посреди ночи какой-то гестаповец, вручает, понимаете ли, повестку... явиться, понимаете ли, со сменой белья... Послушай, дай-ка я радио включу.

Он подбегает к бюро и включает репродуктор. Комната оглашается сухим мертвенным стуком метронома.

Кирсанов. Ну вот, пожалуйста! А это как прикажете понимать?

Базарин. А что тут такого? Два часа ночи.

Кирсанов. Ну и что же, что два часа ночи? Где это ты слышал, чтобы метроном по радио передавали в мирное время?

Базарин. А что, разве не полагается? Я, честно говоря, трансляцию и не включаю никогда...

Кирсанов. Я, честно говоря, тоже никогда не включаю... Может быть, так оно и должно быть, но, когда я эту хренацию слышу, я сразу же блокаду вспоминаю... Ну его к черту! *(Выключает репродуктор.)* Испортили все-таки настроение, подонки... Так хорошо сидели...

Базарин. Зоя Сергеевна, можно, я еще одну штучку выкурю?

Зоя Сергеевна *(рассеянно)*. Курите.

Кирсанов. Дай-ка и мне, пожалуй, тоже...

Базарин *(укоризненно)*. Станислав!

Кирсанов. Ничего, ничего, давай... Сегодня можно. Гляди, как руки трясутся, смех и грех, ей-богу!

Базарин. Ты бы лучше корвалола выпил, чем закуривать.

Кирсанов *(закуривает от свечи)*. Нет, но как тебе это нравится! Богача отыскиали!.. Только ты мне не говори, что это чьи-то шутки. За такие шутки сажать надо! За такие шутки я бы...

Зоя Сергеевна *(прерывает его)*. Позвони Сенатору.

Кирсанов. Что?

Зоя Сергеевна. Позвони Евдокимову.

Кирсанов. Да ты что – сдурела? Лапочка!

Зоя Сергеевна. Позвони Сенатору, я тебя прошу.

Кирсанов (*тыча пальцем в сторону телевизора*). Он же на сессии сейчас сидит!

Зоя Сергеевна. Он должен был сегодня прилететь, мне Анята говорила. Позвони, прошу тебя!

Кирсанов (*нервно*). И не подумаю. Стану я среди ночи беспокоить человека из-за какой-то дурацкой ерунды!

Базарин. Да, Зоя Сергеевна, тут вы, знаете ли... В самом деле – неловко. Конечно, это очень удобно – иметь среди своих добрых знакомых члена Верховного Совета, но согласитесь, что это все-таки не тот случай...

Зоя Сергеевна. Откуда вы знаете, какой это случай?

Базарин. Н-ну... Как вам сказать... Лично я не могу к этому серьезно относиться, как хотите. И вам не советую.

Кирсанов. Главное, что я ему скажу, ты подумала? (*Язвительно.*) «Богачи города Питера!» Да он пошлет меня к чертовой матушке и будет прав. Если уж звонить, то тогда в милицию. Там, по крайней мере, хоть дежурный не спит. Во всяком случае, не должен спать, раз он за это деньги получает...

Базарин (*решительно*). Никуда звонить не надо. Совершенно очевидно, что это чей-то дурацкий розыгрыш. Сегодня же старый Новый год, вот и развлекаются какие-то кретины!

Зоя Сергеевна (*тихо*). Старый Новый год завтра.

Кирсанов (*он снова внимательно изучает повестку*). Это рэкетеры какие-нибудь! Знаете, что у них здесь на печати написано? «Социальная ассенизация»! Идиоты! И рассчитывают на полнейших идиотов!.. Кстати, что это такое — СКК имени Ленина?

Базарин. Спортивно-концертный комплекс. Это где-то на юге, возле Парка Победы.

Кирсанов. Ну вот! Оставляю им все на столе, а сам поскачу с бельем на другой конец города...

Базарин (*с большим сомнением*). М-да, это вполне возможно. Только, по-моему, он очень похож на твоего Моргачева...

Кирсанов. На какого Моргачева?

Базарин. Ну на Моргунова... На аспиранта твоего, как его там...

Кирсанов. Ты, кажется, всерьез полагаешь, будто я уже не способен узнать собственного аспиранта?

Базарин. Извини, но я ничего не полагаю. Я только тебе говорю, что он очень похож...

Кирсанов. У меня нет такого аспиранта. Это не мой аспирант. Это вообще не аспирант. Это либо жулик, черт его подери, либо идиотский шутник!

Базарин (*кратко*). Ну извини, я вовсе не хотел тебя обидеть. Я тоже считаю, что это идиотская шутка и что нам всем надо успокоиться. Зоя Сергеевна, я вас умоляю: успокойтесь и не берите в голову. Хотите, я чайник пойду поставлю? Газ,

я надеюсь, еще не выключили?..

*В прихожей хлопает дверь, и в комнате появляется Александр Рувимович **Пинский**. Это длинный, невообразимо тощий человек, долговолосый, взлохмаченный, с огромным горбатым носом и с неухоженной бороденкой. Он старый друг семьи Кирсановых, живет двумя этажами выше по той же лестнице, поэтому он в пижаме и тапочках, а поверх пижамы – в некогда роскошном восточном халате. В руке у него листок бумаги.*

Пинский (возбужденно). Слава богу, вы не спите... Как вам это понравится? (Он швыряет бумажку на стол.) По-моему, это уже переходит все пределы!

К бумажке тянутся все трое, но быстрее всех оказывается Зоя Сергеевна.

Зоя Сергеевна (читает высоким ненатуральным голосом). «Жиды города Питера!...» Что это такое?

Пинский. Читай, читай, дальше там еще интереснее.

Кирсанов (отбирает у жены листок). Позволь. Дай мне. (Читает.) «Жиды...» Так. «Все жиды города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на стадион „Локомотив“. Иметь с собой документы, а именно: свидетельство о рождении, пас-

порт, расчетные и абонементные книжки по оплате коммунальных услуг. Все ценности, как-то: меха, наличные деньги, сберегательные книжки, валюту, драгоценности и украшения, а также коллекции – оставить дома в надлежащем порядке. Жида, не подчинившиеся данному распоряжению, подлежат заслуженному наказанию...» Так. Тут у них что-то зачеркнуто... А, понятно. «Лица, самовольно проникшие в оставленные квартиры, будут наказаны...» Но это как раз вычеркнуто. То есть в оставленные квартиры проникать можно... Ну и, конечно, председатель-комендант-ассенизатор. Подписи опять нет, а печать есть. Та же самая...

Пинский (*кипя*). Ну что – узнаете? Что вы на меня вытирались? Неужели не узнаете? Олег Кузьмич, вы же у нас в некотором роде историк, вы же у нас специалист по международным отношениям!.. Вижу, что ни хрена вы не узнаете и не помните ни хрена. В сорок первом году в Киеве немцы такое же вот расклеивали по стенам, почти слово в слово... «Жида города Киева»... А потом – Бабий Яр! Неужели не помните?.. (*Торжествующе.*) Вот они, наконец, высунулись ослиные уши, хулиганье фашистское, доморощенное! И ведь главное – совершенно уверены, что какой-нибудь еврей обязательно с перепугу попрется к восьми часам, а они там будут на него глазеть и ржать, как жеребцы, и пальцами на него указывать...

Зоя Сергеевна (*Кирсанову*). В последний раз тебя прошу. Позвони Евдокимову.

Кирсанов. Погоди, лапа. Дай разобраться. (*Пинскому.*) Откуда у тебя эта бумажка?

Пинский. Да только что принес какой-то гад. Наглец хладнокровный, еще расписаться заставил. Откуда я мог знать, что он мне подсовывает? Я думал, это из военкомата. Он ведь, подлец, представился: «Спецкомендатура»...

Кирсанов. Рослый такой парень, в черном плаще?

Пинский. Ну!

Кирсанов. И фонарь во лбу?

Пинский. Да! А ты откуда...

Кирсанов (*сует ему в руку свою повестку*). На, почитай.

Пинский. Зачем?

Кирсанов. Читай, читай, увидишь.

Базарин. Так-так-так. Это уже серьезно.

Кирсанов (*ехидно*). А чего тут серьезного? Ну, ходят мои аспиранты, ну, разносят шуточные повестки...

Базарин. Перестань. Может быть, и в самом деле позвонить Евдокимову?

Кирсанов. Но я же не знаю, что ему говорить! Как это все расскажешь? Свежему человеку... в третьем часу ночи...

Пинский (*прочитав кирсановскую повестку*). Что за чертовщина! Откуда это у тебя?

Кирсанов. Спецкомендатура социальной ассенизации. Здоровенный громила с кейсом и с шахтерским фонарем между глаз.

Пинский. Какой же ты, к едрене фене, богач?

Кирсанов. Да уж какой есть, извини, если не угодил.

Базарин. Вот что. Надо немедленно позвонить в милицию и сообщить, что имеют место хулиганские действия со стороны неизвестного лица.

Кирсанов (*раздраженно*). Подожди. Давай сначала разберемся. Если это хулиганские действия какого-то идиотского лица, тогда звонить совершенно незачем. Ну, дурак, ну, ходит по квартирам и разносит дурацкие повестки. Ну, напугает дюжину дураков вроде нас... Если дело обстоит таким образом, тогда звонить в милицию – сами звоните. Мне уже повестку принесли, меня уже один раз одурачили, и теперь можно спокойно ложиться спать. Вторую не принесут!

Базарин (*задумчиво*). Логично.

Кирсанов. А раз логично, тогда давайте ложиться спать. Хватит. Всё.

Пинский (*алчно*). Догнать бы сейчас этого жлоба и накидать бы ему пачек, чтобы кровавыми соплями умылся, падло позорное...

Кирсанов. Сиди уж, старое дреколье. Да смотри, случайно не пукни, а то развалишься. Догнал он... пачек он накидал...

Пинский. Ничего, ничего, не беспокойся, мне бы его только поймать, а там бы я с ним разобрался, не впервой... Меня ведь, главным образом, что поражает? Меня наглость эта первобытная поражает. Вот они уже по квартирам пошли. Вы понимаете, что это означает? Это означает, что они

адрес мой – знают. Спрашивается: откуда? Кто им дал? Зачем? Чувствуете?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.